

ОПРОС ИЛИ ДОПРОС?

Предлагаем вниманию читателей характерную публикацию двадцатилетней давности из архива самиздатской периодики, с которым можно теперь познакомиться в читальном зале бывшего спецхрана Российской Государственной библиотеки. Не будем комментировать с позиций сегодняшнего дня (и уровня его «дозволенности») эту беседу психиатра со своим пациентом — текст самодостаточен. Будет интересен отклик на публикацию тех, кто работает в психиатрии сегодня, тех, кто обращается к ее специалистам.

Беседа опубликовалась в «ХРОНИКЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР», вып. 12, ноябрь — декабрь 1974 г.

По этическим мотивам сняты подлинные фамилии, приведенные в публикации (в свое время подлинность служила средством спасения, поэтому простим публикаторам тех лет известное нарушение врачебной тайны).

Беседа с психиатром

Ниже публикуется распространенный в самиздате текст записи беседы научного работника Н. с заведующим отделением психиатрической больницы им. Кашенко Д.

Д: Почему вы сейчас попали в больницу?

Н: Не знаю. Я никому ничего плохого не сделал. Психиатры обставили госпитализацию так, что она была для меня как снег на голову: неизвестно, за что и почему.

Д: Не может ли это быть связано с вашими высказываниями?

Н: Какими, например?

Д: Ну, хотя бы о нашем обществе.

Н: Не знаю. В официальных организациях я никаких высказываний не делал.

Д: А в неофициальных?

Н: С неофициальными организациями я просто не знаком.

Д: Почему вас поместили в больницу в 1970 году?

Н: Не знаю. Эта госпитализация тоже была соответствующим образом обставлена. Поэтому у вас больше информации по этому поводу.

Д: Но ведь ваши неверные взгляды появились очень давно, еще лет в девятнадцать.

Н: Мои взгляды к психиатрии не имеют никакого отношения. И ошибочность взглядов не всегда является показателем заболевания. Она может быть вызвана, например, недостатком информации.

Д: Насколько мне известно, вас исключили из комсомола.

Н: Меня из комсомола не исключали. Я вышел из комсомола сам.

Д: Почему вы тогда вышли из комсомола: было ли это связано с вашими взглядами?

Н: Это к психиатрии не относится.

Д: Да, но почему вы попадаете в психбольницу уже в четвертый раз. А ведь не все, кто выходит из комсомола, попадают в психбольницу.

Н: Я вышел из комсомола 18 лет назад. Сейчас эта тема неактуальна.

Д: Нет, что вы. Я специально на этом внимание не акцентирую. Кто вы по специальности?

Н: Биолог.

Д: Вы знаете языки?

Н: Да.

Д: Много?

Н: Достаточно много.

Д: Где вы работали?

Н: Четыре года в ВИНТИ и один год в институте дезинфекции.

Д: Почему у вас были конфликты с сотрудниками?

Н: У меня не было конфликтов с сотрудниками.

Д: Чем вы еще занимались, кроме биологии и языков?

Н: Чем придется.

Д: Вас интересовала философия, проблемы государства, права?

Н: Нет. Конечно, все эти предметы я изучал в университете, но позже я к ним не обращался.

Д: А специально философией вы не занимались?

Н: Нет.

Д: А что вы можете сказать о нашем обществе?

Н: Если вас интересует наше общество, то вам лучше обратиться к более компетентным лицам. Я уже сказал, что сдал экзамены по политдисциплинам, я учебников в руки не брал, поэтому мои высказывания потянут не более, чем на двойку.

Д: Меня не интересует ваше знание университетского курса. Меня интересует ваше собственное мнение. В диспансер, который вас направил в больницу, поступил звонок о ваших неверных взглядах на наше общество.

Н: Какими бы мои взгляды ни были, они не имеют отношения к психиатрии.

Д: Иначе вы бы не были здесь. Если бы ваши взгляды на общество не представляли социальной опасности, то вас не помещали бы в психбольницу. Ведь предыдущие три раза вы находились в психбольнице длительные сроки?

Н: Да, длительные.

Д: А нашу государственную машину вы знаете. Все мы подчинены соответствующим органам, и если от этих органов нам поступает распоряжение, мы обязаны его выполнять.

Н: Поэтому вы так активно интересуетесь моими взглядами на общество?

Д: Да. А вы отгородились словно стеной. И поверьте, не на пользу себе. Чем более упорно вы будете уклоняться от ответов, тем дольше будете находиться в больнице. Я спрашиваю вас для ва-

шей же пользы. Вы ведь видите, я ничего не записываю.

Н: Я тоже ничего не записываю.

Д: Кроме того, вас могут причислить к социально опасным, и тогда перед каждым советским праздником в целях профилактики вас будут помещать в психбольницу, хотите вы этого или нет.

Н: Я знаю, что в нашей стране такая практика существует.

Д: Вы ведь не такая крупная величина как Солженицын, которого за его высказывания и взгляды выслали из страны. Вас за ваши взгляды и высказывания будут помещать в психиатрическую больницу.

Н: И напрасно. Мои взгляды социальной опасности не представляют. А те, кто не согласны с моими взглядами и звонят об этом в диспансер, просто их переоценивают, наверное, от избытка фобий. Моя популярность действительно меньше, чем у Солженицына, но среди лиц, интересующихся иностранными языками, я довольно известен. И любая госпитализация моя приносит только вред, ибо я не могу принести пользу своими знаниями и опытом тому обществу, о безопасности которого вы так печетесь.

Д: Ну, все же, где вы высказывали свое неправильное отношение к нашему обществу?

Н: Я думаю, это вам лучше выяснить у работников тех самых органов, которые позвонили в диспансер.

Д: Все это так, но мне бы хотелось узнать из первоисточника.

Н: В данном случае первоисточником для вас может служить тот человек, который донес на меня. Кто это сделал, я не знаю и не могу предположить, т. к. неверных высказываний не допускал.

Д: Да, но вы находитесь здесь. Значит, вы допускали такие высказывания о нашем обществе, и эти высказывания представляют социальную опасность.

Н: Вы ошибаетесь. Скажите, разве имеются на меня жалобы в вашем отделении?

Д: Нет. Жалоб со стороны персонала на вас нет. Ваше поведение безупречно.

Н: А если бы я действительно был социально опасным, тогда мое поведение не могло быть безупречным.

Д: Социально опасным является не ваше поведение, а ваши взгляды.

Н: Не думаю. Как бы я не относился к обществу, оно не изменится. Если я его буду ругать, то оно не станет хуже, если я его буду хвалить, то оно не станет лучше. Я не способен вызвать ни его улучшения, ни ухудшения своими высказываниями. Поэтому мои взгляды не могут быть опасными для общества.

Д: А что вы предпочитаете, хвалить общество или ругать?

Н: Я предпочитаю придерживаться принципа: моя хата с краю.

Д: Такое отношение к обществу тоже представляет социальную опасность. И если вы будете следовать этому принципу, то так же будете попадать в психиатрические больницы.

Н: Это мне известно, я испытал все это на себе. Как долго вы собираетесь держать меня в больнице?

Д: Этого я вам не могу сказать. Все будет зависеть от вас. Одним месяцем вы не отделаетесь.

Н: Я нахожусь здесь уже три недели.

Д: Выписывать вас будет выписная врачебная комиссия. И если на комиссии вы будете также обходить все острые вопросы, то это не будет вам на пользу.

Н: Я убедился в свое время в другом. Когда я рассказал врачу 15-й психиатрической больницы о своем отношении к обществу, он отправил меня в загородную больницу на Столбовой, где я пробыл 8 месяцев. Как видите, высказывать свои взгляды опасно. От вас я узнал, что молчать тоже опасно. Мне, по-видимому, придется из двух зол выбирать меньшее.

Д: Поймите меня правильно. Я вас спрашиваю не случайно.

Н: Я здоровый человек, и мои взгляды к психиатрии отношения не имеют.

Д: Но не могли же ошибаться все врачи в разных больницах, которые вас лечили, и которых больше всего волновали именно ваши взгляды?

Н: Врачи могли и не ошибаться. Вы ведь сами сказали, что, находясь на службе, подчинены соответствующим органам и обязаны выполнять их распоряжения.

Д: Какие были ваши взаимоотношения в семье?

Н: Сейчас это не актуально.

Д: Вы в свое время опубликовали большое число статей.

Н: Да. В «Московском комсомольце», в нескольких подмосковных газетах, в Калуге, в Обнинске, а последние мои статьи были опубликованы на Камчатке.

Д: В своих статьях вы писали о своих взглядах на общество?

Н: Нет, в этих статьях речь идет о скоростном методе изучения иностранных языков. Они были обращены к тем, кто заинтересован этой проблемой.

Д: А где в таком случае вы пропагандировали свои неверные взгляды?

Н: Нигде. И в конце концов помещать в психбольницу за взгляды просто подло и недостойно звания врача.

Д: Сейчас мне надо идти на обход, но мы еще вернемся к этому разговору. Я должен выяснить ваше отношение к обществу. По-видимому, я скоро назначу вам другие лекарства.

7 марта 1974 года.